

DOI: 10.31857/S086904990015422-6

Оригинальная статья / Original Article

Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19

© Н.В. ГОВОРОВА

Говорова Наталья Викторовна, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), n_govorova@mail.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 нанесла и продолжает наносить миру тяжелый социальный и экономический урон. Гуманитарные и финансовые издержки, связанные с ее последствиями, значительны и пока не могут быть окончательно определены и подсчитаны. Однако очевидно, что они способны свести на нет многолетний прогресс в деле сокращения масштабов бедности и неравенства, подорвать социальную сплоченность и дестабилизировать глобальное сотрудничество. Потеря рабочих мест, углубление цифрового разрыва, нарушение социального взаимодействия и резкие изменения на рынках капиталов, товаров, услуг и труда на фоне растущего разрыва между реальной и виртуальной экономикой и накопленных геополитических проблем, привели к тяжелым последствиям для значительной части мирового населения в различных областях жизнедеятельности. Надежное и устойчивое восстановление мировой экономики возможно лишь в том случае, если будут обеспечены соответствующие нынешнему сложному положению инвестиции в экономическую, социальную и экологическую устойчивость на планете. В статье анализируются перспективы устойчивого развития, прежде всего вопросы бедности и неравенства, включая гендерное, а также меры социальной поддержки на глобальном и страновом уровнях.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, коронакризис, бедность, неравенство, экономика, рынок труда, устойчивое развитие, социальная защита, гендерное равенство.

Цитирование: Говорова Н.В. (2021) Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19 // Общественные науки и современность. № 3. С. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6

Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic

© N. GOVOROVA

Natalia V. Govorova, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
n_govorova@mail.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic has inflicted and continues to inflict severe social and economic damage on the world. The direct and indirect human and financial costs of its consequences are significant and cannot yet be definitively determined and calculated. It is clear, however, that the pandemic has the potential to undo years of progress in reducing poverty and inequality, undermine social cohesion and destabilize global cooperation. The loss of jobs, the deepening digital divide, the disruption of social interaction, and dramatic changes in the markets for capital, goods, services, and labor, against the backdrop of a growing gap between the real and virtual economies and accumulated geopolitical problems, could have dire consequences for large parts of the global population in various areas of life. Reliable and sustainable recovery of the world economy is possible only if there will be appropriate to the current difficult situation investments in economic, social and environmental sustainability on the planet. The article analyzes the prospects of sustainable development, primarily the issues of poverty and inequality, including gender, as well as social support measures at the global and country level.

Keywords: COVID-19 pandemic, coronacrisis, poverty, inequality, economy, labor market, sustainable development, social protection, gender equality.

Citation: Govorova N. (2021) Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.3, pp. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6 (In Russ.)

Большинство отечественных и зарубежных исследователей [Alvaredo et al. 2018, Atkinson 2015, Milanovic 2016, Говорова 2016, Петросянц 2020], относят рост неравенства и бедности к основным социально-экономическим рискам современности и вызовам XXI века. Неравноправие в получении доходов и основных социальных благ (образования, здравоохранения, культуры, спорта), свойственное как большинству развивающихся государств, так и развитым странам, не только сдерживает совокупный спрос и качественно ухудшает экономический рост. Оно также ограничивает внедрение современных технологий и возможности развития человеческого потенциала, искажая демографические установки и способствуя накоплению морально-этических проблем в обществе. Взаимосвязи бедности, неравенства возможностей, уровня образования, экономического роста, рынка труда и социального развития сложны и стали предметом активного исследования отечественного и зарубежного экспертного сообщества [Стиглиц 2015]. Обзор теорий, а также парадоксы, экономические механизмы и вторичные эффекты неравенства, его неэкономические основы и влияние на демографические процессы, то есть «...наиболее драматические эффекты неравенства...», приведены в [Куракин 2020]; факторы и риски хронической бедности – [Малева, Гришина, Бурдяк 2020], стратегии сокращения неравенства и поддержки устойчивого развития в России – в [Бобылев 2020].

Ключевым связующим звеном между экономическим ростом и сокращением неравенства является обеспечение занятости. Высокий уровень занятости приводит к большей устойчивости индивидуальных доходов и росту совокупных доходов общества, а также создает возможности для производства максимального количества коллективных благ. В современном обществе в основе идентичности человека лежит

его профессия. Блага (товары и услуги) часто распределяются непропорционально относительно знаний и умений, количества и качества труда людей из-за того, что они находятся на различных уровнях социально-экономической иерархии. Последствия пандемии и антикоронавирусные меры привели к закрытию предприятий и фабрик. Средства к существованию значительной части мировой рабочей силы оказались под угрозой. Нарушились глобальные производственно-сбытовые цепочки, появились проблемы с поставкой продукции. Десятки миллионов людей погрузились в крайнюю нищету и голод. Ожидается, что в итоге кризиса социальное расслоение усилится как на глобальном и региональном уровнях, так и внутри государств – на территориальном, гендерном, возрастном, образовательном горизонтах. В течение 2020 г. в мире исчезло порядка полмиллиарда рабочих мест, лишь половину из которых удалось восстановить к началу 2021 г. Потери от пандемии могли бы оказаться намного больше без масштабных и многогранных антикризисных мер, принятых в большинстве стран мира. Среди таких мер – крупные бюджетные программы для поддержки домохозяйств и компаний, а также для сохранения рабочих мест. Центральные банки многих государств предприняли значительные меры по смягчению денежно-кредитной политики.

Меры социальной поддержки: глобальный, региональный и страновой уровни

Экономический спад, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, генерирует масштабные экономические и социальные последствия. В большинстве стран мира, как развивающихся, так и развитых, существенно выросла безработица, а вслед за ней начал расти и уровень бедности, сводя на нет успехи, достигнутые за последние десятилетия. Согласно оценкам Всемирного банка и Международной Организации Труда (МОТ), вызванный COVID-19 экономический кризис и кризис в области здравоохранения к концу 2020 г. вверг в крайнюю нищету еще порядка ста миллионов человек на фоне потери 255 млн рабочих мест с полной занятостью, что соответствует 8,6% мировой рабочей силы [World Bank 2020; ILO 2020]. В результате трудовые доходы сократились на 8,3%, что эквивалентно 3,7 трлн долл. США или 4,4% глобального ВВП. Причины столь разрушительного воздействия пандемии кроются в том, что в предшествовавшие ей годы со всей очевидностью наблюдались растущее несоответствие навыков и компетенций рабочей силы структуре и требованиям рынка труда. Закономерно, что в подобных условиях возник диссонанс между стимулами к труду и вознаграждением за него. Разрыв между ними препятствовал повышению производительности труда, росту благосостояния и инклюзивности общества.

Пандемия и ее последствия инициировали масштабные изменения в макроэкономической политике многих стран, кардинально трансформировав ее фискальную и монетарную составляющие. С начала пандемии количество мер социальной защиты (программы социальной помощи, страхования и рынка труда) в ответ на COVID-19 продолжает расти. В общей сложности на мировом уровне более 10 трлн долл. США государственной поддержки было направлено на преодоление первоначального экономического шока. На социальную помощь приходится большинство (62%) глобальных ответных мер, и наиболее широко используемой ее формой стали денежные трансферты [Gentilini et al. 2020]. Очевидно, что расходы по регионам и группам стран с разным уровнем дохода существенно различаются (см. таб.1).

Структура социальной защиты варьируется в зависимости от уровня валового национального дохода (ВНД) на душу населения в стране. Социальная помощь составляет почти 90% мер в странах с низким уровнем ВНД и менее половины – с высоким. Наличие

социального страхования и программ активизации рынка труда больше свойственно странам с высоким ВНД. В Европе и Центральной Азии представлено больше программ активной политики занятости (20%), в то время как Северная Америка – лидер по социальному страхованию (38%). Следует отметить, что программы денежных трансфертов служат краткосрочным инструментом – в среднем на 3,3 месяца. Лишь небольшая часть их них может быть продлена. Социальное страхование чаще всего принимает форму пособий по безработице, на втором месте – оплачиваемый отпуск по болезни, далее – субсидирование взносов в систему социального обеспечения, пенсии и поддержка медицинского страхования. Активная политика на рынке труда включает в себя, прежде всего, субсидирование заработной платы, тренинги, корректировки правил регулирования рынка труда и сокращения рабочего времени. В 17 странах с низким уровнем дохода, по которым имеются данные, не зарегистрированы конкретные расходы на социальное страхование и программы активного рынка труда.

Таблица 1

Расходы на социальную защиту по группам стран и регионам (млрд долл. США)

Table 1

Social Protection Spending by Country Groups and Regions

Страны	Социальная помощь	Социальное страхование	Рынки труда	Общие расходы	Расходы в среднем на душу нас., долл.
Страны с доходами низкого уровня (17)	1,8	-	-	1,8	6
Страны с доходами ниже среднего уровня (32)	57,2	1,1	1,4	59,6	26
Страны с доходами выше среднего уровня (41)	79,8	96,4	8,5	184,7	58
Страны с доходами высокого уровня (36)	515,4	17,1	22,0	554,5	525
Африка к югу от Сахары (30)	6,1	0,00009	2,3	8,4	10
Восточная Азия и Тихоокеанский регион (20)	194,3	85,8	25,6	305,7	361
Европа и Центральная Азия (25)	80,6	14,9	2,4	97,9	300
Латинская Америка и Карибский бассейн (31)	38,5	13,0	0,5	52,0	154
Ближний Восток и Северная Африка (13)	9,2	0,9	1,1	11,1	115
Северная Америка (2)	290,0	0,005	-	290,0	442
Южная Азия (5)	35,5	-	-	35,5	8
Всего (126)	654,1	114,6	31,9	800,6	176

Источник: [Gentilini et al. 2020].

В ТОП-10 стран с наибольшим охватом населения денежными трансфертами входит: Тувалу и Республика Корея (по 100%), Япония, Сербия, Сингапур, Гонконг, Филиппины, Доминиканская Республика, США и Пакистан (не менее 45%). По количеству граждан, получивших государственную материальную поддержку, лидируют США. Там единовременный денежный перевод в размере 1200 долл. был осуществлен в интересах 159 млн человек. В России детский разовый трансфер приняли 23 млн семей. К концу 2020 г. 1,28 млрд человек или 16% мирового населения уже получили социальную поддержку, из них 1,1 млрд (14%) – денежные выплаты. В среднем денежные трансферты составляют почти треть ежемесячного ВВП на душу населения, причем этот уровень варьируется

от 26% в странах с уровнем доходов выше среднего до 86% в странах с низким уровнем доходов. По данным из 126 стран, на социальную защиту к концу 2020 г. было потрачено в общей сложности 800,6 млрд долл. – примерно 6,3% от предполагаемых 12,6 трлн долл. в рамках глобальных пакетов мер стимулирования. В сравнительном выражении расходы на социальную защиту в коронавирусный кризис были на 22,6% выше, чем инвестиции в размере 653 млрд долл. США, которые были вложены в период острой фазы финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Самыми распространенными внутренними источниками финансирования стали реструктуризация или изменение приоритетов бюджетных статей, а также расходование государственных резервов и фискальных сбережений. В отдельных случаях средства аккумулировались за счет других социальных услуг, сокращения субсидий, региональных бюджетов. Эти подходы не исключали друг друга, и почти половина государств использовала смешанный подход к финансированию. В целом, почти треть стран использовали внутренние средства в качестве единственного источника финансирования, а пятая часть полагались только на внешние ресурсы. Таким образом, распространенной стратегией было использование резервов и изменение приоритетов расходования средств.

Мир пережил Великую депрессию 1929–1939 гг. (Great Depression) [Pells, Romer 2020], рецессию конца 2000-х гг. (Great Recession) [Duignan 2019]. Возможно, теперь ему предстоит «Великая перезагрузка» (The Great Reset, ВП) по основным направляющим: «зеленый» рост, «умный» рост и «справедливый» рост. С данной инициативой выступил Всемирный экономический форум (ВЭФ) в 2020 г. По мнению ВЭФ, для обеспечения гармоничной и созидательной траектории развития в постпандемическом мире правительствам следует улучшить координацию в областях налоговой, регулятивной и фискальной политики, модернизировать торговые механизмы и создать условия для более справедливых результатов хозяйственной деятельности. Достичь поставленной цели можно с помощью таких мер, как изменение налогов на богатство, отмена субсидий на ископаемое топливо и введение новых правил регулирования интеллектуальной собственности, торговли и конкуренции. Еще один компонент ВП – устойчивое и разноректорное инвестирование в прогрессивные цели, необходимые для всего населения.

Перспективы развития мировой экономики на 2021 г. в значительной степени зависят как от эволюции пандемии, так и от эффективности стратегий правительств по восстановлению. В Европейском союзе, в частности, создан масштабный фонд восстановления в размере 750 млрд евро («Next Generation EU»), а среди стран ЕС самые масштабные меры прямой финансовой поддержки были приняты в ФРГ и Дании [Квашинин 2020]. В России был разработан общенациональный план действий по восстановлению экономики стоимостью порядка 6 трлн рублей. Многие другие государства также имеют масштабные планы экономического стимулирования. Эти средства следовало бы использовать для улучшения экологических и социальных показателей, а также для оптимизации менеджмента по всем направлениям хозяйственной, научной и культурной деятельности. Ускорить выполнение повестки ВП можно с помощью внедрения инноваций, особенно для решения медицинских, образовательных и других социальных проблем. Данные меры уже были частично реализованы в сферах здравоохранения, науки и образования во время кризиса COVID-19. Следует перенести успешный опыт и модели взаимодействия на другие (все) сектора экономики.

Чтобы вернуть экономику и рынок труда на позитивный тренд развития, заложить основу для справедливого и устойчивого роста, следует проанализировать докризисные тенденции и воздействие COVID-19. Затем надо определить приоритеты на ближайшие 1–2 года и дальнюю перспективу. ВЭФ, предварительно оценив готовность стран к пре-

образованиям, предлагает 11 новых приоритетов по продвижению к полной интеграции социальных, экологических и институциональных целей в суверенные экономические системы в течение следующих пяти лет. В частности, предлагается обновить учебные программы и увеличить инвестиции в приобретение необходимых для работы и «рынков завтрашнего дня» навыков, а также переосмыслить трудовое законодательство и социальную защиту для новой цифровой экономики и новых потребностей в рабочей силе. Также среди приоритетов – расширение инфраструктуры здравоохранения и ухода за престарелыми и детьми и доступа к инновациям в интересах людей и экономики [The Global Competitiveness Report 2020].

Вызовы устойчивому развитию

Повестка дня устойчивого развития до 2030 г., принятая Организацией Объединенных Наций (ООН) в сентябре 2015 г., придала новый импульс коллективным усилиям по его достижению. Ликвидация бедности стоит в ряду ключевых задач ООН и представляет собой первую из 17 целей устойчивого развития (ЦУР): *положить конец нищете во всех ее формах повсюду* [United Nations 2015]. До начала пандемии масштабы бедности в мире уверенно уменьшались, однако и темпы ее сокращения также снижались. Глобальная установка покончить с этим «социальным недугом» в течение жизни одного поколения была под угрозой. В 2020 г., юбилейном для ООН году (75 лет), пандемия коронавируса COVID-19 остановила и обратила вспять прогресс в большинстве сфер устойчивого развития. Несмотря на триллионы долларов, направленных на неотложные меры по стимулированию мировой экономики, совокупный ВВП планеты снизился на 3,3% (развитые страны – на 4,7%, страны с формирующимися рынками и развивающиеся – на 2,2%), по последним прогнозам роста МВФ в 2020 г. Во время глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. падение было почти в два раза меньше. Темпы экономического развития в 2021 г. оцениваются в 6,0% (5,1% и 6,7% соответственно), в 2022 г. – в 4,4% (3,6% и 5,0% соответственно). Численность людей с доходами ниже уровня крайней бедности в 2020 г. увеличилась на 95 млн человек [Международный валютный фонд 2021]. Большинство из них – низко образованная часть населения [Adams-Prassl et al. 2020], женщины, мигранты, молодежь и другие уязвимые группы населения/рабочей силы, трудоустроенные в наиболее пострадавших от пандемии секторах экономики (розничная и оптовая торговля, индустрия гостеприимства, общественное питание, транспортные и туристические услуги).

Бедность всегда идет рука об руку с неравенством – «базовой, вечной проблемой» человечества. Коронакризис притормозил и без того медленный прогресс в деле сокращения неравенства (ЦУР 10. *Сократить неравенство внутри стран и между ними*). Дело в том, что его последствия сильнее всего затрагивают нуждающиеся и наиболее уязвимые слои населения во всех государствах. Особенно пагубные последствия грозят беднейшим странам. Неравенство сказалось и на уровне государственных расходов на душу населения. В наименее развитых странах они были в сотни раз ниже, хотя средний доход на душу населения до пандемии был выше в развитых странах лишь на порядок (в 30 раз). Цифры к началу апреля 2021 г. выглядят немного оптимистичней. Общий объем средств, потраченных странами на стимулирование экономики, составил уже 16 трлн долл., прогноз роста бедности и потери рабочих мест немного более благоприятен. Однако выполнение намеченных целей в области борьбы с бедностью и неравенством представляется практически неосуществимым.

В Евросоюзе, к примеру, где обзор прогресса в достижении ЦУР анализируют ежегодно примерно по 100 показателям, существенно возросла разница между гражданами ЕС и третьих стран (трудовых мигрантов) в отношении параметров бедности и занятости.

Кроме того, Евросоюзу не удалось достигнуть большинства целей Стратегии «Европа 2020» (Europe 2020 strategy) в социально-трудовой области: обеспечить занятость на уровне 75% населения в возрасте от 20 до 64 лет и снизить на 20 млн численность людей, подверженных риску бедности и социального исключения [EUROPE 2020 A strategy... 2010]. Поверить в умеренный прогресс в достижении последнего целевого показателя (по оценке Европейской комиссии) было нелегко еще до пандемии. Можно согласиться с негативной оценкой прогресса по индикаторам «Люди, подверженные риску бедности по доходам после социальных трансфертов» и «Работающие бедные» [Eurostat 2020]. Занятость в ЕС по результатам 2020 г. составила 72,4%. Численность бедных и социально уязвимых уменьшилась меньше чем на 10 млн человек по сравнению с 2008 г. По первым оценкам статистической службы ЕС (Евростат) в 2020 г., ВВП сократился на 6,8% в зоне евро и на 6,4% в ЕС-27, занятость – на 1,8% и на 1,6% соответственно. В ответ в январе 2021 г. в Евросоюзе принято решение частично переориентировать Европейский социальный фонд плюс (ESF+) – ключевой инструмент для инвестирования в развитие человеческого капитала – на цели углубления социальной интеграции, направить 3% в Европейский фонд помощи наиболее обездоленным (FEAD), не менее 5% – на борьбу с детской бедностью в странах, которые больше всего страдают от этого явления. В рамках Гарантии занятости молодежи (Youth Guarantee) странам с уровнем NEET (молодежь вне занятости, образования и профессионального обучения) выше среднего показателя по ЕС будет выделено 12,5% средств. Наконец, в соответствии с рекомендациями Еврокомиссии, не менее 0,25% средств должны быть направлены на поддержку гражданского общества и социальных партнеров [Bulletin Quotidien Europe 2021]. ESF+ финансирует выполнение принципов Европейской опоры социальных прав – актуальной «социальной стратегии ЕС» [Борко, Биссон 2019]. Цель Фонда заключается в том, чтобы оказать поддержку государствам-членам в преодолении пандемического кризиса, а также достичь высокого уровня занятости, обеспечить справедливую социальную защиту и формирование квалифицированной рабочей силы – основного актива перехода к «зеленой» и цифровой экономике. Ту же цель преследует и разработанный Еврокомиссией в апреле 2020 г. инструмент для смягчения рисков безработицы в чрезвычайных ситуациях в виде заимствований, гарантированных всеми странами ЕС – SURE (Temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency). Из-за того, что пандемия не отступает и количество рабочих мест продолжает сокращаться, срок действия комплекса мер по поддержке государствам-членам в трудовой сфере может быть продлен в соответствии с [Council Regulation 2020].

Пандемия оказалась разрушительна для систем здравоохранения во всем мире и угрожает уже достигнутым результатам в этой области. Коронакризис высветил необходимость действовать быстро и сообща, чтобы обеспечить удовлетворение неотложных потребностей медицинских работников и их поддержку, укрепить социальную защиту и повысить готовность к чрезвычайным ситуациям. Очевидно, что мер реагирования оказалось недостаточно для помощи наиболее обездоленным и уязвимым слоям населения не только в беднейших государствах, но и в развитых странах. Прогресс во многих областях здравоохранения продолжается, но, тем не менее, темпы улучшения замедлились и будут недостаточными для выполнения большинства задач ЦУР 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. Эта цель включает в себя пункты «положить конец эпидемиям» и «обеспечить должный ответ на вспышки инфекционных заболеваний к 2030 г.».

Цифровой разрыв увеличил неравенство в области образования между странами и внутри них. Временное закрытие учебных заведений, затронувшее 1,6 млрд детей и молодежи (более 90% мирового контингента учащихся), отрицательно сказывается на результатах их обучения, а также социальном и психологическом состоянии. Многие

учащиеся без проблем переключились на дистанционное обучение, но оно недоступно ученикам из отдаленных регионов, депрессивных районов, нестабильных государств и лагерей беженцев, а также детям из семей в крайней нищете. Данные моменты существенно затрудняют путь к ЦУР 4. *Обеспечение инклюзивного и справедливого качественного образования и содействие созданию возможностей для обучения на протяжении всей жизни для всех.*

Аналогичным образом ширится разрыв в отношении равноправия полов, включая трудовую сферу. По этой причине индикаторы ЦУР 5. *Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек* в лучшем случае будут стагнировать в большинстве стран мира, включая Евросоюз. Отметим, что принципы устойчивого развития находятся в центре европейской политики, закреплены в европейских договорах и включены в основные проекты, секторальную политику и инициативы. Европейская комиссия под председательством У. фон дер Ляйен сделала устойчивость важнейшим политическим приоритетом своего мандата, каждый ее член отвечает за обеспечение того, чтобы политика, находящаяся в его ведении, способствовала достижению ЦУР.

В отношении ЦУР 8. *Содействовать поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех* следует отметить, что несколько лет до пандемии темпы роста мировой экономики замедлялись, несмотря на повышение производительности труда и снижение безработицы. Последствия COVID-19 приводят к сокращению совокупного рабочего времени, эквивалентному сотням миллионов рабочих мест с полной занятостью. Больше всего пострадали и продолжают испытывать трудности малые и средние предприятия, которые работают в условиях неформальной и атипичной занятости, самозанятые лица. Рост мировой обрабатывающей промышленности также неуклонно снижался еще до вспышки эпидемии, которая нанесла ей тяжелый удар. Данные факторы негативно повлияют на прогресс в достижении ЦУР 9. *Создание устойчивой инфраструктуры, поощрение всеохватывающей и устойчивой индустриализации и содействие инновациям.* Сильнее всего COVID-19 затронул сектор воздушного транспорта, сократив на сотни миллиардов долларов доходы авиаперевозчиков на фоне снижения пассажиропотока авиакомпаний [United Nations..., 2020].

Пандемия сделала ЦУР недостижимыми для большинства стран к 2030 г. [Benedek et al. 2021, Malmqvist 2021]. Особенно сильно она скажется на результатах развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой. Первые выводы о конкретных, измеряемых последствиях COVID-19 станут возможны только в результате всестороннего анализа социально-экономических и экологических показателей 2020 г. Полный масштаб кризиса станет понятен только в среднесрочной перспективе. Представляется, что последствия коронакризиса окажутся наиболее болезненными для борьбы с нищетой и неравенством и развития человеческого потенциала в целом.

Гендерное неравенство в контексте COVID-19

Повсюду в мире коронакризис непропорционально затронул женщин и девочек. Он обозначил уязвимость и несовершенство политики гендерного равенства в контексте последствий и восстановления после пандемии. В связи с этим в сентябре 2020 г. Программа Развития ООН (ПРООН) и «ООН-женщины» совместно ввели Глобальный механизм отслеживания учета гендерной проблематики в рамках реакции на COVID-19 (COVID-19 Global Gender Response Tracker). Данный механизм в настоящее время – единственный инструмент, который позволяет оценить гендерную чувствительность национальных политических мер реагирования на кризис. С его помощью можно проанализировать ответные действия правительств в следующих категориях: социальная

защита, рынки труда, насилие в отношении женщин. В фактологических бюллетенях исследователи также рассматривают тенденции и приводят аналитические данные по поддержке неоплачиваемой домашней работы и экономической безопасности женщин [UNDP-UN Women..., 2021].

На глобальном уровне отслеживалось 219 стран и территорий, которые к марту 2021 г. приняли в общей сложности более трех тысяч мер в ответ на COVID-19. Порядка 40% данных мер в 187 государствах учитывали гендерные аспекты. Большинство из них направлены на активизацию действий по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек. Мер по укреплению экономической безопасности женщин и решению проблемы неоплачиваемого труда по уходу было принято гораздо меньше (см. таб. 2).

Таблица 2

Количество антиковидных мер по регионам мира

Table 2

The Number of the Coronavirus Countermeasures per Region

Регион	Всего мер	Гендерно-чувствительные меры	Неоплачиваемый уход	Насилие	Экономическая безопасность женщин
Африка	539	212	10	117	85
Северная и Южная Америка	752	360	42	223	95
Азия	770	281	25	184	72
Европа	908	361	91	242	28
Океания	143	85	12	66	7
Всего	3112	1299	180	832	287

Источник: [UNDP-UN Women 2021].

Результаты свидетельствуют о том, что 32 государства (шестая часть анализируемых стран) вообще не предприняли никаких гендернонаправленных мер в ответ на пандемию. Только 42 страны (19%) в своем ответе на кризис охватили весь спектр возможных действий. В этих странах предоставляли телефоны доверия, приюты или судебные ответные меры для противодействия резкому росту насилия в отношении женщин и девочек, денежные переводы непосредственно в интересах женщин, услуги по уходу за детьми или оплачиваемые отпуска по семейным обстоятельствам и по болезни. К примеру, в Испании в ответ на COVID-19 приняли 30 мер, 16 из которых были гендерно-чувствительными. Одна мера была направлена на обеспечение экономической безопасности женщин, пять – на неоплачиваемую работу по уходу и десять – на борьбу с насилием. В стране, которая сильно пострадала от пандемии, приняли ряд мер по решению проблемы неоплачиваемого труда на дому. Было введено семейное пособие для родителей, которые должны заботиться о своих детях во время закрытия школ в соответствии с медико-санитарными требованиями. Мадрид также принял шаги для облегчения «временного увольнения», что позволило работникам адаптироваться, если им необходимо обеспечивать уход за иждивенцами. В более широком плане правительство допускает гибкие условия работы, поощряя удаленную занятость и корректировку рабочего времени в зависимости от обязанностей по уходу за родственниками. Также был создан чрезвычайный резервный фонд в размере 300 млн евро для поддержки социальных услуг с оказанием особого внимания старшему поколению и иждивенцам. Средства предназначены для оптимизации ухода на дому за пожилыми людьми, инвалидами, пострадавшими

в результате закрытия социальных центров. Также их направят на увеличение численности работников центров социального обслуживания, домов престарелых и количества койко-мест в центрах по уходу за ними. В целях укрепления экономической безопасности женщин правительство объявило о введении «безусловного» денежного трансферта, который рассчитывается как «гарантированный минимальный доход» и предназначен для порядка 5 млн малообеспеченных людей, большинство из которых составляют женщины. Предполагается также выделить дополнительно 100 евро на каждого ребенка в домохозяйствах с одним родителем.

Анализ передового опыта и пробелов в глобальной политике реагирования на COVID-19 показывает, что пандемия и связанный с ней экономический кризис в большей степени поставили под угрозу человеческое развитие женщин. Они столкнулись с непропорциональными экономическими, медицинскими и социальными рисками. Данное обстоятельство следует иметь в виду властям различного уровня, чтобы разработать и совершенствовать эффективные мероприятия по реагированию на коронакризис и дальнейшему восстановлению.

Выводы

Из-за коронакризиса стало очевидно, что инфраструктуры образования, профессионального обучения, здравоохранения и систем социальной защиты не соответствуют реалиям сегодняшнего дня (ускорение темпов внедрения технологий, прекаризация занятости, трансформация спроса и демографических процессов и др.). Они отстают от роста численности населения в развивающихся странах и его старения в развитых государствах. Наиболее острые проблемы – работающие бедные и NEET. По оценкам МОТ, в 2019 г. больше пятой части или 267 млн молодых людей в мире нигде не учились и не работали. На фоне цифровизации экономики, рынка труда и жизнедеятельности людей в целом эти проблемы стали еще более выраженными. Тем не менее, высокие технологии обладают значительным потенциалом социальных преобразований.

Прошло уже больше года с того момента, как ВОЗ объявила о пандемии коронавируса. Неопределенность относительно динамики восстановления мировой экономики, сокращения возросших уровней бедности и социального неравенства по-прежнему остается высокой. Последствия коронакризиса будут остро ощущаться во всем мире в среднесрочной перспективе и иметь значительный деструктивный потенциал. Среди ключевых вызовов, стоящих перед мировым, европейским и российским сообществом, – обеспечение инклюзивного роста, создание условий для достижения достойного уровня жизни каждого человека. Переформатирование докризисной модели роста будет происходить в условиях форсированного технологического развития, несущего свои угрозы и возможности. Дальнейшая поступательная трансформация экономики и социальной сферы будет детерминирована повышением роли государства (его бюджета и центрального банка) в борьбе с бедностью и неравенством. Преодоление данных проблем следует сделать главной целью суверенной политики в социально-экономической сфере. Именно такую установку дал Президент РФ в своем ежегодном Послании к Федеральному собранию в апреле 2021 года, которое было сконцентрировано на задачах повышения уровня социальной защиты и благосостояния людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борко Ю.А., Биссон Л. С. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «социальной Европы». Современная Европа. №6. С.5-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>.
- Бобылев С.Н. (2020) Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономики, №1 (21), С. 67–83. DOI: 10.5281/zenodo.3753332.
- Говорова Н.В. (2016) Бедность и неравенство в Европейском Союзе. Современная Европа. № 3. С. 104–113. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016104113>.
- Квашнин Ю. Д. Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 94–104. DOI: 10.31857/S086904990013993-4.
- Куракин Д. (2020) Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 167–231. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. (2020) Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. № 12. С. 24–40. DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40.
- Перспективы развития мировой экономики: преодоление неравномерного восстановления экономики (2021) Международный валютный фонд (<https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>).
- Петросянц, Д. В. (2020) Социальное неравенство и бедность как факторы сдерживания долгосрочного экономического роста // Власть. № 1. С. 64–69.
- Стиглиц, Дж. (2015) Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 512 с.
- Adams-Prassl, A., Boneva T., Golin M., Rauh C. (2020) Inequality in the Impact of the Coronavirus Shock: Evidence from Real Time Surveys. IZA Discussion Paper. No. 12183. (<http://ftp.iza.org/dp13183.pdf>).
- Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018) World inequality report 2018 (<https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>).
- Atkinson, A.B. (2015) Inequality – What can be done? LSE International Inequalities Institute. Working paper 2.
- Benedek D., Gemayel E., Abdelhak Senhadji A., Tieman A. (2021) A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals. International monetary fund. April 2021 (<https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076>).
- Bulletin Quotidien Europe (BQE). 2021. No 12647, 12659.
- Council Regulation (EU) 2020/672 of 19 May 2020 on the establishment of a European instrument for temporary support to mitigate unemployment risks in an emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak (<https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/672/oj>).
- Duignan B. (2019) "Great Recession". Encyclopedia Britannica (<https://www.britannica.com/topic/great-recession>).
- EUROPE 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth (2010) Communication from the Commission. 2020 final. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:52010DC2020>).
- Eurostat (2020) Sustainable development in the European Union — Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context. 2020 Edition (<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11011074/KS-02-20-202-EN-N.pdf/334a8cfe-636a-bb8a-294a-73a052882f7f?t=1592994779000>).
- International Labour Organization (2020) ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Updated estimates and analysis. Sixth edition (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf).
- Malmqvist, T. (2021) Is COVID-19 slowing progress toward the SDGs? Yes, say experts. Greenbiz. March 30, 2021. (<https://www.greenbiz.com/article/covid-19-slowing-progress-toward-sdgs-yes-say-experts>).
- Milanovic, B. (2016) Global inequality: A new approach for the age of globalization. A book talk. May 1, 2016.
- Pells R., Romer. C.D. (2020) "Great Depression". Encyclopedia Britannica, 10 Sep. 2020. (<https://www.britannica.com/event/Great-Depression>).
- Ugo G., Almenfi M., Dale P. (2020) Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures. World Bank, Washington, DC. "Living paper" version 14 (<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33635>).

UNDP-UN Women. COVID-19 Global Gender Response Tracker. GLOBAL FACTSHEET. Version 2. March 22, 2021. (<https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/womens-empowerment/COVID-19-Global-Gender-Response-Tracker.html>).

United Nations (2015) Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development. A/RES/70/1. (https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E).

United Nations (2020) Progress towards the Sustainable Development Goals. Report of the Secretary-General. Economic and Social Council 2020 session. 25 July 2019–22 July 2020 (https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26158Final_SG_SDG_Progress_Report_14052020.pdf).

World Bank. (2020) Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1602-4 (<https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>).

World Economic Forum. (2020) The Global Competitiveness Report. Special Edition 2020: How Countries are Performing on the Road to Recovery (http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf).

REFERENCES

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018) World inequality report 2018 (<https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>).

Atkinson, A.B. (2015) Inequality – What can be done? LSE International Inequalities Institute. Working paper 2.

Benedek D., Gemayel E., Abdelhak Senhadji A., Tieman A. (2021) A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals. International monetary fund. April 2021 (<https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076>).

Bobylev S.N. (2020). Ustoichivoe razvitie: novoe videnie buduschego? [Sustainable development: a new vision of the future?] *Problems in Political Economy*, vol. 1(21), pp. 67-83. DOI: 10.5281/zenodo.3753332.

Borko Yu.A., Bisson L.S. (2019) Evropejskaya integraciya: perezapusk idei – social'noj Evropy. [European Integration: Relaunching the idea of a – social Europe]. *Sovremennaya Evropa*. vol. 6, pp. 5-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>.

Bulletin Quotidien Europe (BQE). 2021. No 12647, 12659.

Council Regulation (EU) 2020/672 of 19 May 2020 on the establishment of a European instrument for temporary support to mitigate unemployment risks in an emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak (<https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/672/oj>).

Duignan B. (2019) "Great Recession". *Encyclopedia Britannica* (<https://www.britannica.com/topic/great-recession>).

EUROPE 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth (2010) Communication from the Commission. 2020 final. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:52010DC2020>).

Eurostat (2020) *Sustainable development in the European Union — Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context*. 2020 Edition (<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11011074/KS-02-20-202-EN-N.pdf/334a8cfe-636a-bb8a-294a-73a052882f7f?t=1592994779000>).

Govorova N.V. (2016) Bednost' i neravenstvo v Evropejskom Soyuze [Poverty and inequality in European Union]. *Sovremennaya Evropa*. vol. 3. pp.104-113. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320104113>.

International Labour Organization (2020) ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Updated estimates and analysis. Sixth edition (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf).

International Monetary Fund (2021) World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries. April 2021 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>).

Kurakin D. (2020) Tragediya neravenstva: raschelovechivaya «total'nogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total"]. *Sociologicheskoe obozrenie*. vol. 19. vol. 3. pp. 167-231. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231.

Kvashnin Y. (2021). The Coronavirus Pandemic and the U-turn in European Social Policy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no. 1. pp.94-104. DOI: 10.31857/S086904990013993-4.

Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Ya. (2020) Hronicheskaya bednost': chto vliyaet na ee masshtaby i ostrotu? [Chronic poverty: what affects its level and severity?]. *Voprosy ekonomiki*. 2020. vol. 12. pp. 24-41. DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40.

Malmqvist, T. (2021) Is COVID-19 slowing progress toward the SDGs? Yes, say experts. *Greenbiz*. March 30, 2021 (<https://www.greenbiz.com/article/covid-19-slowing-progress-toward-sdgs-yes-say-experts>).

Milanovic, B. (2016) *Global inequality: A new approach for the age of globalization*. A book talk. May 1, 2016.

Pells R., Romer. C.D. (2020) "Great Depression". *Encyclopedia Britannica*, 10 Sep. 2020. (<https://www.britannica.com/event/Great-Depression>).

Petrosyants, D.V. (2020) Social'noe neravenstvo i bednost' kak faktory sderzhivaniya dolgosrochnogo ekonomicheskogo rosta [Social inequality and poverty as factors of continuing long-term economic growth]. *Vlast'*. vol. 1. pp.64-69.

Stiglits Dzh. (2015) Tsena neravenstva. Chem rassloeniye obshchestva grozit nashemu budushchemu [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Moscow: Eksmo. 512 p.

Ugo G., Almenfi M., Dale P. (2020) *Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures*. World Bank, Washington, DC. "Living paper" version 14 (<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33635>).

UNDP-UN Women. COVID-19 Global Gender Response Tracker. GLOBAL FACTSHEET. Version 2. March 22, 2021. (<https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/womens-empowerment/COVID-19-Global-Gender-Response-Tracker.html>).

United Nations (2015) *Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development*. A/RES/70/1. (https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E).

United Nations (2020) *Progress towards the Sustainable Development Goals*. Report of the Secretary-General. Economic and Social Council 2020 session. 25 July 2019 – 22 July 2020. (https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26158Final_SG_SDG_Progress_Report_14052020.pdf).

World Bank. (2020) *Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1602-4 (<https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>).

Информация об авторе

Говорова Наталья Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований Института Европы Российской академии наук. Адрес: Моховая ул., д. 11, стр. 3, Москва, 125009. E-mail: n_govorova@mail.ru

About the author

Natalia V. Govorova, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Department of Economic Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS). Address: 125009, Moscow, Mokhovaya Street, 11-3. E-mail: n_govorova@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 13.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 20.05.2021